

УДК 811.161.1'373.45

Воробьева Н.Ю.

Московский государственный областной университет

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
Н.С. ГУМИЛЁВА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА:
РОЛЬ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В «АФРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ»**

N. Vorobyova

Moscow State Regional University

**ON THE STUDY OF LINGUISTIC PERSONALITY OF N. GUMILEV –
THE TRAVELER: THE ROLE OF THE EXOTIC VOCABULARY
IN “AFRICAN DIARY”**

Аннотация. В статье рассматривается иноязычная лексика «Африканского дневника», написанного в 1913 году поэтом и путешественником Н.С. Гумилёвым. Исследуются иноязычные имена (Бальча, Гарун Адъ-Рашид), топонимы (Абиссиния, Джибути, Харар, Данакильская пустыня, Сомалийский полуостров, Гаваш и др.), экзотизм (данакилы). Затронут вопрос о составе идиолексикона Н. С. Гумилёва, что представляет работу как антропоцентрическую. Постижение черт языковой личности и раскрытие особенностей языковой картины мира поэта при знакомстве с текстом дневника составляет задачу и мотивирует актуальность настоящей статьи.

Ключевые слова: языковая картина мира, русская языковая личность, акмеизм, экзотизм, астионимы, хоронимы, лимнонимы, пелагонимы.

Abstract. The article deals with the foreign vocabulary in “African Diary” written by poet and traveler N. Gumilev in 1913, in particular: the foreign names (Balcha, Haroun Al Rashid), toponyms (Abyssinia, Djibouti, Harare, Danakil desert, Havas, etc.), exoticism (Gallasy). The study of the composition of concepts and vocabulary of N. Gumilev presents the work as anthropocentric one. Learning the language personality traits and revealing the peculiarities of the linguistic world picture of the poet by the text of the diary is the objective and the relevance of this article.

Key words: linguistic world picture, Russian linguistic personality, exoticism, acmeism, astionym, choronym, limnonym, pelagonym.

Языковая личность Н.С. Гумилёва – путешественника, охотника, поклонника красоты, яркого поэта – вызывает большой интерес. Постижение черт языковой личности и раскрытие особенностей языковой картины мира поэта возможно при знакомстве с его текстами различных жанров, в частности «Африканским дневником», что составляет задачу настоящей статьи и мотивирует её актуальность.

Понятие «языковая личность» впервые ввёл в науку В.В. Виноградов. Исследуя язык художественной литературы, учёный подошёл к вопросу о важности понимания соотношения в произведении языковой личности, художественного образа и образа автора [3]. Ю.Н. Караулов определил языковую личность как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются не только а) степенью структурно-языковой сложности, но и б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью [7, с. 3-8].

Избрав материалом исследования текст «Африканского дневника» Николая Гумилёва, мы считаем возможным выявить в ходе анализа черты языковой личности автора, поскольку

© Воробьева Н.Ю., 2013.

языковой личностью в лингвистике XX-XXI вв. стало принятым называть любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в них системных средств данного языка для отражения видения окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире [11, с. 671].

Поэт, как мы уже упоминали, был активным путешественником. Его влекли экзотические страны, он стремился многое узнать о них, ощутить вкус чужого хлеба, увидеть иную землю под ногами, отразить свои впечатления словом, новым для него. Этот интерес стимулировался вниманием к Африке в России, что формировало фоновые знания языковой личности поэта. Н.Н. Галушко справедливо заметила: «Немалое место в творчестве поэта занимают описания путешествий, диктуемых жаждой географических открытий» [4].

Отметим, что задолго до начала путешествий Николая Гумилёва в печати не раз появлялся богатый исследовательский материал о жарком континенте. Были опубликованы работы Е.Е. Долганева, дневник А.К. Булатовича, прочитаны научные доклады на заседаниях Русского Географического Общества. В начале 1880-х — середине 1890-х годов многие российские путешественники побывали в Абиссинии: В.Ф. Машков, А.В. Елисеев, Н.С. Леонтьев, А.К. Артамонов и др. [6, с. 21]. Результаты их абиссинских исследований также были доступны широкому кругу читателей, что влекло за собой усвоение прецедентных текстов, отражалось в структуре прагматикона и в объёме языковой картины мира языковой личности современников.

Мы считаем, что к моменту подготовки первого путешествия поэта «африканский» фрагмент картины мира Н. Гумилёва отчасти был сформирован. Подтверждение находим в документальных свидетельствах о том, что Н.С. Гумилёв проявлял живой интерес ко всему, что связано с Африкой. За два года до первого путешествия, в 1907 году,

когда он жил в Париже, ознакомился с дневником А.К. Булатовича, писал в небольших кафе Латинского квартала — «Pantheon», «D'Harcourt», «La Source». «Стремление его к экзотике проявлялось и в том, что охотно заводил знакомства с представителями далёких стран: неграми, малайцами, сиамцами...» [14, с. 355].

На выбор Н. Гумилёвым страны путешествия сильное влияние оказала выставка полотен П. Гогена в 1907 году в Париже. Итогом странствий поэта стал «Африканский дневник», который был написан в 1913 году, во время его третьего путешествия, когда поэту пришлось отправляться в Африку с экспедицией академика В. Радлова. Исследуя этот текст, можно составить представление об отражаемом им фрагменте языковой картины мира поэта и экстраполировать сведения — как частное — на характер общего, то есть «на совокупность знаний об окружающем человеке мире, запечатлённых в языковой форме» [13, с. 397].

Текст «Африканского дневника» не даёт полного представления о том, какой была Эфиопия времён путешествия Гумилёва: читатель видит страну только глазами поэта. На данном примере подтверждается справедливость заключения Ю.Н. Караулова о том, что совокупность единиц знаний о мире не образует последовательной, стремящейся к завершённости картины мира. «Скорее, наоборот, они складываются в мозаичную, фрагментарно заполняемую, принципиально незавершённую, а подчас и противоречивую языковую картину мира, сильно окрашенную национальным колоритом, и её центром, точкой отсчёта и мерилем для всех её составляющих служит человек» [8, с. 9].

Текст дневника отражает, с одной стороны (информативный план), какую цель путешествия поставил Н. Гумилёв (названы рамки маршрута), с другой стороны, указывает, благодаря именно единицам проприальной лексики, те фрагменты картины мира, которые будут наполняться конкретизированным, индивидуально осмысленным

содержанием (когнитивный, эмоционально-экспрессивный план), поскольку они в тексте отражают именно его вследствие специфики своего значения: *Пройти с юга на север Данакильскую пустыню, лежащую между Абиссинией и Красным морем, исследовать нижнее течение реки Гаваша, узнать рассеянные там неизвестные загадочные племена;*

Я должен был отправиться в порт Джибути в Баб-эль-Мандебском проливе, оттуда по железной дороге к Харару, потом, составив караван, на юг, в область, лежащую между Сомалийским полуостровом и озёрами Рудольфа, Маргариты, Звай; захватить возможно больший район исследования; делать снимки, собирать этнографические коллекции, записывать песни и легенды. Кроме того, мне предоставлялось право собирать зоологические коллекции [2, с. 258-259].

Приведённые фрагменты «Африканского дневника» содержат прецедентные единицы, которыми являются различные онимы, актуализирующие точки африканского фрагмента языковой картины мира поэта.

Прежде всего, это природные хоронимы (имя собственное, присваиваемое любой природно-ландшафтной области [10, с. 45]): *Данакильская пустыня, Сомалийский полуостров.*

Сомалийский полуостров или Сомал – «так наз. область в Африке, занимающая северо-восточный угол, образуемый Аденским проливом с севера и Индийским океаном с востока; на юге граничит с областями Галла и Данакиль» [15, т. 60, с. 846].

Географические объекты, указанные Гумилёвым, принадлежат *Абиссинии*.

Абиссиния – административный хороним (собственное имя территории, области, района [10, с. 160]).

«*Абиссиния* — устаревшее назв. Эфиопии или большого региона в Вост. Африке. Термин «А.» происходит в арабском языке от древнего назв. хабас (хабаш, хабеш — по-месь), в египетских (с кон. 16 в. н.э.) и других древних источниках им обозначались

отдельные группы населения красноморских стран. Как синоним назв. «Эфиопия» (в виде перевода этого термина на язык геэз) слово «А» впервые употреблено в одной из надписей аксумского царя Эзаны (4 в.). В 7-19 вв. термин А. широко распространился сначала в арабо-исламском мире, а затем и за его пределами. Ныне он считается устаревшим. В Эфиопии название А. не употребляют и не любят из-за его происхождения. Также под назв. А. подразумевают регион, включающий совр. государства Эритрею, Эфиопию, Джибути и Сомали» [1, т. 1, с. 363].

Рассказывая в дневнике об *Абиссинии*, Николай Гумилёв упоминает астионимы (названия городов [10, с. 39]) *Джибути* – с указанием на административный хороним *Джибути*; *Харар* и др.: *Джибути* *лежит на африканском берегу Аденского залива к югу от Обока, на краю Таджуракской бухты. На большинстве географических карт обозначен только Обок, но, <...> его «съела» Джибути. За Джибути – будущее. Её торговля всё возрастает, число живущих в ней европейцев тоже* [2, с. 264].

Признаками, отличающими этот объект африканского фрагмента гумилевской картины мира, являются те, которые представляются благодаря контекстуальным партнёрам: ‘особое местоположение’ (*берег, залив, бухта, юг*), ‘выделенность в соотнесенности с уже известными объектами пространства’ (*Аденский залив, Таджуракская бухта, Обок*), ‘торговля’, ‘европейская известность’ (*торговля, европейцы*; ср.: «...обычные здесь предметы вывоза – волоньи шкуры, кофе, золото и слоновая кость...») [2, с. 265]. Видно, что Гумилёв проявляет к стране интерес европейца (его интересует торговля, число приезжих белых господ).

Хороним запечатлевает эмоционально-оценочное отношение автора к объекту: слово в тексте стилистически определено метафорическим предикатом *съела*, где *съесть*, на наш взгляд, можно трактовать как разговорное «поглотить» (‘приняла, вобрала в себя’ [9, с. 530]). Астионим *Джибути* поэт мар-

кировал эпитетом *городок* с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ок-*, хотя другие синтагматические партнёры определяют грамматический род как женский (*съела, её торговля*): *Нам предстояло пробыть в Джибути три дня. Я не очень огорчился подобной проволочке, так как люблю этот городок, его мирную и ясную жизнь* [2, с. 265].

«Джибэти (Djibouti) – столица Республики Джибути, государства на северо-востоке Африки» [1, т. 1, с. 763].

Читателю показан городок, который любит поэт, где течёт *мирная* (‘без вражды и ссоры’ [9, с. 358]) *ясная* (‘ничем не омрачённая, спокойная’ [9, с. 919]) жизнь, в отличие от *величественного* (‘исполненного величия’ [9, с. 73]) *Харара*.

«Харэр (амх.) – «административный центр провинции Харэр» [12, с. 146].

В песне племени Исса, приведённой Н. Гумилёвым в «Африканском дневнике», рассказывается о *Хараре, который выше земли данакилей* [2, с. 266]. Текстовый материал отражает большую точность представления содержания онима в языковой картине мира Н. Гумилёва. Так, автор указывает, что город соположен с известной землей данакилей, находится выше, на горе, (‘высокое положение’), ‘величественный’ (‘величественный вид со своими домами из красного песчаника’), ‘защищённый’ (‘через ворота не пропускают’), имплицитно – ‘богатый’ (‘совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида’). См.: *Уже с горы Харар представлял величественный вид со своими домами из красного песчаника, высокими европейскими домами и острыми минаретами мечетей. Он окружён стеной, и через ворота не пропускают после заката солнца. Внутри же это совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида* [2, с. 274]. Предикат *Багдад времен Гаруна-аль-Рашида (Харар совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида)*, указывает, на наш взгляд на высокоразвитую инфраструктуру города и его бурный экономический рост, сравнимый с ростом Багдада при халифе *Гаруне-аль-Рашиде*.

«Гарун – знаменитый халиф, по прозванию Аль-Рашид, т. е. Справедливый; имя это он, впрочем, получил не от потомства, а от отца своего, когда был назначен наследником» [15, т. 15, с. 160].

Эпизодически в «Африканском дневнике» упоминаются: пелагоним (вид океанонима, собственное имя любого моря или его части [10, с. 108]) *Баб-эль-Мандеб*, лимнонимы (собственное имя любого озера, пруда [10, с. 69]) *Рудольф, Маргарита, Звай*, а также потамонимы (собственное имя любой реки [10, с. 112]) *Гаваш, Уэба*. Их назначение в тексте – закреплять представление о более важных для автора точках путешествия, т. е. можно утверждать, что они менее важны автору «Африканского дневника» для экспликации отношения, но актуальны как прецедентные единицы, указывающие на наличие определенных фоновых знаний. Они отражают позицию текста.

В Словаре географических названий Эфиопии приводится более точное имя реки *Гаваш – Аваш* и традиционная амхарская национальная форма *Ауаш* [12, с. 19].

Река *Гаваш (Ауаш)* в «Африканском дневнике» связана с именем *дедзага Бальчи*: *Потом дедзаг Бальча. Это был человек сильный и суровый. О нём до сих пор говорят в городе, кто с негодованием, кто с неподдельным уважением. Он отказывался платить подати негусу, утверждая, что по эту сторону Гаваша негус – он, и предлагал отрешить его от губернаторства; он знал, что им дорожили как единственным в Абиссинии искусным стратегом* [2, с. 282].

«*Бальча Сафо* (1862-1936) – эфиопский военный и гос. деятель, народный герой Эфиопии. По этнической принадлежности оромо, родом из обл. Гураре. В итало-эфиопской войне 1895-96 командовал эфиопской артиллерией, участник битвы при Адуа. В 1896-1908 губернатор провинции Сидамо в 1908-10 — провинции Харэр, затем вновь Сидамо.» [1, т. 1, с. 505].

Гумилёв сообщает читателю об особенностях характера *Бальчи*: не просто *народный*

герой, а сильный (то есть 'обладающий твёрдой волей, стойкий' [9, с. 717], суровый (что означает 'очень строгий, серьёзный' [9, с. 780]), единственный в Абиссинии искусный ('умелый, хорошо знающий своё дело' [9, с. 252]) стратег, которым дорожили (то есть 'берегли, не желали терять, высоко ценили' [9, с. 252]), негус по эту сторону Гаваша.

Конкретизация образа *Бальчи* ведёт к насыщению семантики антропонима, что указывает на стремление автора в использовании проприальной лексики достичь собственного акмеистам эффекта максимальной точности в передаче информации.

Мы полагаем, что страницы дневника были адресованы вдумчивому читателю, который интересовался экзотическими странами. Более того, путешествие в Африку мог осуществить человек, имеющий достаток, поэтому жанр дневника был популярен среди людей обеспеченных, определённых (и известных Н. Гумилёву) социальных кругов. Мы считаем, что автор ставил перед собой такие коммуникативные задачи, которыми регламентировал читательский адрес: люди привилегированного класса, для которых отправиться в путешествие возможно. На это указывает и отбор фактов социального плана: в «Африканском дневнике» он пишет преимущественно о высокопоставленных особах, с которыми встречался в Абиссинии. Антропонимы в основном представляют таких персон. Не рассказывается об орудиях труда или о процессе обрабатывания земли – занятии простого земледельца. Вскользь упоминается о народных традициях. Хотя Н. Гумилёв останавливается на описании жилища галласов, подробно он обрисовывает дома представителей власти, как и их одежду, окружение, рассказывает о поступках, характерах. Антропонимы, таким образом, как и топонимы всех видов, становятся ярким средством передачи африканского колорита в исследуемом тексте.

Мы согласны с А. Гомер, которая усматривает в подходе Николая Гумилёва к экзотизмам «европейскую» позицию и живой инте-

рес к культурам, отличным от отечественной: «Гумилёв вписывает себя в географические и культурные данности других стран, в ходе творческого процесса неизбежно подвергает последние собственной интерпретации. Именно в этих субъективных опытах он выказывает явную тенденцию к оценке чужих – «экзотических» – культур с позиции «просвещённого, цивилизованного» европейца. Ностальгия по «Чужому» – важный импульс и движущая сила, выражающаяся во всей жизни и творчестве поэта» [5]. Однако стоит заметить, что маршрут по Абиссинии Гумилёв избрал, основываясь на маршрутах именно русских путешественников, в первую очередь, А.К. Булатовича. Значит, поэт хотел взглянуть на эту страну глазами именно русского путешественника, при этом, как акмеист, не пропустив ни единой детали.

Итак, мы можем заключить, что Н.С. Гумилёв при использовании проприальной лексики в «Африканском дневнике» проявляет себя не только как путешественник, наблюдательный человек и вдумчивый, добросовестный исследователь, но и как русская языковая личность, сохраняющая приверженность выработанным в ходе поэтического творчества акмеистическим взглядам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Африка: Энциклопедия в 2 томах / РАН, Ин-т Африки, 2010.
2. Африканский дневник // Гумилёв Н.С. Сочинения. В 3 т. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1991. — 478 с.
3. Виноградов В.В. Опыты риторического анализа // О языке художественной прозы (монография) — М.: Наука, 1980. — 360 с.
4. Галушко Н. Н. Поэтические функции глаголов движения-перемещения при раскрытии темы путешествий в лирике Н.С. Гумилёва [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». — 2009. — No 1. — С. 80–88. — URL: <http://vestnik-mgou.ru/library/files/incoming/6/2009/1/st15> (дата обращения 20.10.2013).
5. Гомер А. Экзотизм и геософия Николая Гумилёва в контексте европейского колониального дискурса [Электронный ресурс] (<http://gumilev.ru/about/114/>) (дата обращения 7.09.2013).

6. История географического изучения Эфиопии членами Императорского Русского Географического Общества в конце XIX-начале XX вв.: научно-методическое издание / С.А. Агуреев. Москва: У Никитских ворот, 2010. — 111 с.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987. — 261 с.
8. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. — М., 2009. — 344 с.
9. Ожегов С.И. , Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2003. — 944с.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М., 1978. — 200 с.
11. Русский язык : Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. — 704 с.
12. Словарь географических названий Эфиопии. — М., Наука, главная редакция восточной литературы, 1974. — 359 с.
13. Словарь методических терминов. (Теория и практика преподавания яз.) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — СПб.: Златоуст, 1999. — 471 с.
14. Степанов Е.Е. Хроники Николая Гумилёва // Гумилёв Н.С. Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — М.: Худож. лит, 1991. — 428 с.
15. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890 г. — М., 1991. В 82 тт.